

ПАВЕЛ СМОЛИН

ГОЛОВА
ШАМИЛЯ

Павел Смолин
Голова Шамиля

«Автор»

2026

Смолин П.

Голова Шамиля / П. Смолин — «Автор», 2026

В роду Зубовых двести лет ни одного генерала. Полковник Сергей Зубов продолжает традицию: уволен по ранению, протез вместо ноги, воевать больше не берут. Засыпает над книгой о предке — казаке Фёдоре Зубове, новобранце Кавказской линии 1840 года. Просыпается им. Впереди двадцать четыре года войны, которую он знает по книгам. Рядом — пластуны, горские леса, кремнёвое ружьё. И татарин Юсуп, который ведёт список его странных слов и пока не решил, что с ними делать.

© Смолин П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павел Смолин

Голова Шамиля

Глава 1

Глава 1

Карта висела на стене уже три года.

Я купил её на аукционе в Москве, ещё до СВО, когда деньги водились и было время на глупости. Литография 1843 года, «Карта Кавказской линии и сопредельных земель», потрёпанная по краям, с бурыми пятнами в правом нижнем углу - не кровь, просто вода, уверял продавец. Я ему верил. Карта была хорошая: чёткая, подробная, с обозначением всех постов, редутов и крепостей правого фланга. Прочноокопская стояла на своём месте - маленький кружок на правом берегу Кубани, аккуратная надпись вязью.

Три года я на неё смотрел. Сначала просто так. Потом с интересом. Потом как на что-то личное.

Личным оно стало после того, как я нашёл в семейном архиве - точнее, в картонной коробке из-под сапог, которую мать хранила на антресолях - пожелтевшую справку о прохождении службы. Фёдор Архипович Зубов, Кубанский линейный батальон, 1840–1864 годы. Звание при выходе в отставку - полковник.

Я тогда сел на пол прямо в коридоре с этой бумажкой в руках.

Полковник. Как я – недаром дед, полковник Красной армии, шутил, что в роду у нас ни одного генерала. Я тогда спросил – не обидно ли? Дед улыбнулся и ответил, что почетно: значит, в роду все воевали, а не штаны в штабе просиживали. Я вот довоевался до протеза вместо левой ноги и полной служебной непригодности.

Жена Ирина потом долго объясняла, что совпадение звания и снаряд, который не дал мне дослужиться до генерала и нарушить семейную традицию - это просто совпадение, и незачем делать из этого родовое проклятие. Она права. Она всегда права в таких вещах. Именно поэтому мы прожили вместе двадцать три года - она умела быть правой без торжества в голосе.

Нога перестала болеть примерно к марту. Протез был немецкий, хороший - лучше, чем я ожидал от военной медицины. Я научился ходить почти без хромоты, потом без трости, потом без паузы перед лестницей. Тело приспособливается. Тело вообще умеет то, что голова запрещает.

Голова не приспособливалась никак.

Не к тишине. Не к тому, что в восемь утра не надо никуда. Не к тому, что Ирина перестала ждать и теперь просто была рядом - что оказалось, как ни странно, труднее. Я ходил по квартире, смотрел в окно на краснодарские крыши, пил кофе, читал. Всё это я умел делать физически. Внутри при этом было как в брошенном блокпосте: стены стоят, крыша есть, а жить некому.

В октябре Ирина уехала к дочери в Москву на две недели. Дочь ждала второго ребёнка. Я сказал - езжай, всё хорошо. Она уехала. Всё было хорошо.

Я достал коробку из-под сапог, книги про Кавказскую войну, которые покупал последние два года, и разложил всё это на столе в кабинете рядом с картой.

Фёдор Архипович Зубов. Двадцать четыре года на Кавказской линии. Вышел в отставку полковником в 1864-м, когда война закончилась. До этого - урядник, хорунжий, сотник, есаул. Всё по делу, без прыжков. Человек воевал.

В семье про него говорили мало и коротко: воевал, выслужился, вернулся, завёл детей. Я листал книги и думал, что было бы неплохо - вот так, двадцать четыре года в горах. Настоящая война, не позиционная. Каждый день - лес, следы, засады, рейды. Противник умный, злой, знающий свою землю. Никаких брифингов в пять утра про «стабилизацию обстановки на отдельных участках». Просто работа.

Потом подумал, что это, наверное, нездоровая мысль для человека пятидесяти двух лет с протезом.

Потом подумал, что здоровье тут ни при чём.

Ирина была в Москве. Часы показывали половину второго ночи. За окном шёл дождь - тихий, краснодарский, не такой как в горах. Я сидел перед картой, перед книгой, перед справкой о прохождении службы Фёдора Архиповича Зубова, и думал: каким же ты был, Федька. Девятнадцать лет, станица Прочноокопская, осень 1840 года. Ещё ничего не умеешь по-настоящему. Ещё впереди двадцать четыре года.

Должно быть, я заснул прямо в кресле.

Потому что следующее, что я помню - был запах.

Не кофе, не бумага, не краснодарский дождь. Дым. Дерево. Что-то животное, тёплое, живое - навоз или сено, или и то и другое сразу. И ещё - земля. Земля с запахом, которого в городе не бывает.

Я открыл глаза.

Потолок был низкий. Брёвна. Между брёвнами - пакля, кое-где выпавшая. Одно маленькое окно с мутным стеклом, за которым начинался рассвет. Я лежал на чём-то твёрдом, накрытый чем-то тяжёлым. Что-то подсказало - овчина.

Первая мысль была спокойная и деловая: что-то не так.

Вторая мысль была тоже спокойная: надо понять, что именно.

Разведчик в голове включился раньше, чем остальное. Лежу. Дышу ровно. Слышу: за стеной - петух. Корова. Дальше - ещё петухи, много. Деревня или станица. Тишина без машин, без гула, без фона цивилизации, который есть всегда и который замечаешь только когда его нет.

И тут случилось странное.

Не мысль - скорее ощущение, как когда слышишь чужой язык и вдруг понимаешь слово. Просто знаешь - и всё, без усилия, без перевода. Дед зовут Архип. Мать - Матрёна. Жена - Аксинья, замужем меньше года. Конь во дворе - Серый, мерин, норовит влево. Изба своя, не съёмная, отец построил до того как погиб в рейде в тридцать седьмом.

Это была не моя память. У меня не было деда Архипа и жены Аксиньи. У меня была Ирина в Москве у дочери и карта на стене в Краснодаре.

Но знание сидело в голове так же плотно и уверенно, как сидит знание собственного имени. Не вспомнилось - просто было. Как будто кто-то другой жил в этом теле до меня и оставил всё на своих местах - имена, голоса, запахи, привычки - а сам ушёл. Быстро и без предупреждения.

Я подумал: Фёдор.

Подумал - и почувствовал что-то нехорошее внизу живота. Не страх. Просто нехорошее.

Я пошевелил пальцами.

Пальцы двигались - все десять. Потом - ноги.

Обе.

Это меня остановило.

Я лежал и смотрел в потолок с паклей между брёвен и чувствовал обе ноги. Левую - как обычно. Правую - тоже как обычно, то есть так, как она не чувствовалась уже несколько месяцев, потому что её не было ниже колена.

Она была.

Я медленно сел.

Тело отозвалось - молодо, без утреннего скрипа в пояснице, без привычного усилия с правой стороны. Просто сел. Откинул овчину. Посмотрел на ноги.

Обе были на месте. Обе - в портах из грубого серого сукна, заправленных в шерстяные чулки. Ноги были молодые - не мои. То есть мои, но не те. Тонкие в щиколотке, без той въевшейся усталости, которая накапливается в мышцах после сорока лет нагузок.

Я поднял руки. Посмотрел.

Руки тоже были молодые. Правильные руки - рабочие, с мозолями, но мозоли не мои. Другой характер. Левая немного грубее правой - значит, левша или тренировался с левой. Я провёл пальцами по лицу: щёки гладкие, почти без щетины. Скулы высокие. Нос - не мой нос.

Я был кем- то другим.

Спокойствие держалось ещё секунд десять. Потом я встал, сделал четыре шага к стене, упёрся в неё ладонями и просто подышал.

Три войны. Две контузии. Один протез. Нервная система закалённая - я не паниковал даже тогда, когда надо было паниковать. Сейчас тоже не запаникую. Просто нужно понять, что происходит.

Запах правильный для 19 века - это я уже мог сказать уверенно. Читал достаточно, чтобы знать: так пахло тогда. Потолок, окно, овчина, порты из сукна - всё правильно. За стеной петухи и коровы - станица, раннее утро. Я в теле молодого человека лет восемнадцати- двадцати, который только что спал под овчиной.

Вариант первый: я сошёл с ума. Возможно. Проверить сложно изнутри.

Вариант второй: я умер и это что- то загробное. Маловероятно - слишком конкретно для загробного.

Вариант третий: я каким- то образом оказался в 1840 году в теле человека, которого по всем признакам звали Фёдор Архипович Зубов.

Вариант третий был невозможным. Но запах кизяка и отсутствующий городской фон говорили именно за него.

Я развернулся.

Комната была небольшой - четыре на пять шагов, если мерить честно. Печь в углу, ещё тёплая. Стол, две лавки. Рушники на стенах - вышитые, белые с красным. В другом углу - сундук, окованный железом. У окна - веретено на лавке, недоделанная работа.

И в дверях стояла девушка.

Она вошла беззвучно - или я не услышал, потому что думал. Молодая, моложе двадцати. Тёмные волосы убраны под повойник. Глаза карие, серьёзные. В руках - глиняный кувшин, наверное с водой. Она смотрела на меня и в её взгляде было то, что я видел в глазах моей Ирины. Нежность. Привычная, домашняя, и оттого еще более ценная.

- Проснулся, - сказала она.

Не вопрос - утверждение. Негромко. Я открыл рот. Закрыл. Подумал и согласился:

- Проснулся.

Голос вышел чужой - молодой, чуть выше моего привычного, без той хрипотцы, которая появляется после сорока. Но говорил я сам. Язык знал слова.

Девушка поставила кувшин на стол. Подошла ближе - посмотрела мне в лицо внимательно, как смотрят на человека после болезни.

- Бледный, - сказала она. - Сегодня едешь?

- Сегодня, - сказал я.

Она кивнула. Отвернулась к печи.

Я смотрел ей в спину и в голове у меня ворочалась одна мысль, которую я гнал, но она возвращалась. Медленная, тяжёлая, как жёрнов.

Если я - Фёдор Зубов. Если это 1840 год. Если это его жена, которой ему было девятнадцать лет, и они только что поженились - то эта девушка с тёмными волосами и кувшином воды,

которая смотрит на меня с нежностью и говорит «проснулся» тем голосом, которым говорят только с человеком, которого любят...

Это моя прабабка.

Моя прабабка в шести коленях.

Я отвернулся к стене. Стена была надёжная, бревенчатая, ни в чём не виноватая. Я смотрел на неё и думал о холодной воде, о горах, о боевом уставе пластунских команд - о чём угодно, кроме того, о чём думать не следовало.

В углу висело зеркало - небольшое, тёмное от времени, в деревянной раме. Я посмотрел на него. Потом отвёл взгляд.

Пока рано. Успею.

- Аксинья, - позвал я.

Она обернулась.

- Мать уже встала?

- Встала, - сказала она. Помолчала. - Ругается.

- На что?

- На меня, - сказала Аксинья просто, без жалобы. - Как обычно.

Я кивнул. Это я понял без объяснений.

За окном петухи орали вразнобой, корова требовала чего-то своего, и где-то дальше по станции уже гремело ведро - кто-то шёл к колодцу. Утро в Прочноокопской, осень 1840 года, разворачивалось без спроса и без паузы.

Я жил теперь в нём.

И надо было понять, что с этим делать - желательно до того, как войдёт мать.

Она появилась через две минуты, и я все понял про Матрёну Зубову задолго до того как увидел: шаги тяжёлые, уверенные, хозяйские - человек, который знает где его место и не сомневается в этом знании. Так ходят люди, которые привыкли, что их слушают. Помимо ее шагов, слышал я звуки и снаружи - шаги, скрипы и кряхтенье.

Мать вошла, окинула меня взглядом - быстрым, оценивающим - и сразу переключилась на Аксинью.

- Каша готова? - спросила она.

- Почти, - сказала Аксинья.

- «Почти» - не готова, - сказала мать. - Он едет сегодня. Поесть надо нормально.

Аксинья ничего не ответила. Помешала в котелке.

Я смотрел на эту сцену и чувствовал то, чего не ожидал: не раздражение, не жалость к Аксинье - а профессиональный интерес. Как будто разбирал позиции противника. Матрёна давила не со злости - это была привычка, система, воздух в котором она дышала. Невестка - это должность, и должность эта по умолчанию ниже. Не потому, что Аксинья плохая. Просто порядок.

В 2025 году я бы знал, что сказать. Здесь - нельзя. Фёдор Зубов, девятнадцать лет, первые месяцы брака, не встрял бы. Значит и я не встряну.

Пока.

- Мам, - сказал я.

Мать посмотрела на меня.

- А че там? - кивнул на окно.

- Дед встал, - ответила она. - Во дворе сидит. Тебя ждёт.

Я кивнул и пошёл во двор.

Архип Никитич Зубов сидел на завалинке и смотрел на реку - Кубань отсюда была видна полоской между плетнями, блестела в раннем свете. Дед был старый - лет семидесяти, может больше - маленький, сухой, с руками как корни. Но сидел прямо. Таких стариков я видел раньше: они сгибаются только в гробу.

Я подошёл. Сел рядом.

Он не сказал ничего. Я тоже.

Мы сидели и смотрели на Кубань. Петухи постепенно успокоились. По улице прошла женщина с коромыслом - кивнула нам, мы кивнули. Где-то в глубине двора Серый - мерин, средней паршивости конь, которого мне описала память тела ещё до того, как я его увидел - переступал копытами и недовольно фыркал. Он всегда фыркал. Я уже это знал, хотя не знал откуда.

- Едешь, - сказал Архип наконец. Не спрашивал.

- Еду.

Он кивнул медленно.

- Отец твой, - сказал он, - в двадцать два первый раз пошёл в рейд за Кубань. До этого - кордон, посты. Обычная служба. В рейде и стал казаком. Не раньше.

Я слушал.

- Ты едешь в девятнадцать, - сказал Архип. - Раньше него.

- Да.

- Это не лучше и не хуже, - сказал дед. - Просто раньше.

Помолчал. Встал - медленно, с усилием - и ушёл в дом. Через минуту вернулся. В руках у него было что-то завернутое в тряпицу.

Он развернул.

Шашка была хорошая. Сразу видно - горская работа, не казённая: клинок чуть изогнутый, рукоять тёмного дерева, на гарде серебряная насечка. Такие вещи не покупают - берут. Я видел подобное в музеях и на аукционах. Живой инструмент, не экспонат.

Архип держал её горизонтально, на вытянутых руках. Смотрел на меня.

Я смотрел на него.

Пауза длилась долго. Я считал про себя - восемь секунд, десять, двенадцать.

Потом он опустил руки. Завернул шашку обратно в тряпицу.

- Не заслужил, - сказал он ровно. Без жестокости, без объяснений. Просто констатация.

Я кивнул.

- Понимаю.

Дед посмотрел на меня - долго, странно. Как будто услышал что-то в двух этих словах. В том, как я их сказал. Фёдор Зубов, девятнадцать лет, должен был, наверное, обидеться. Или промолчать с опущенной головой. Не сказать «понимаю» таким голосом.

Архип ничего больше не сказал. Пошёл обратно в дом.

Я остался на завалинке.

За спиной из избы доносился голос Матрёны - она объясняла Аксинье что-то про сборы, методично и непрерывно. Серый во дворе фыркнул особенно выразительно, как будто тоже имел мнение.

Я смотрел на Кубань.

В голове у меня укладывалось медленно, как осадок в мутной воде. Факты. Только факты, остальное потом.

Первое: я в теле Фёдора Зубова. Тело молодое, здоровое, обе ноги. Память тела дала мне язык, имена, базовые навыки - я знал как зовут лошадь, знал голос матери, знал имя жены. Остальное - моё.

Второе: сегодня Фёдор уходит на службу. Значит и я ухожу.

Третье: Фёдор больше нет.

Это третье я думал последним, потому что оно было тяжелее первых двух. Мальчишке было девятнадцать лет. Он не выбирал. Он просто был - и перестал быть, потому что я заснул в кресле перед картой.

Я сидел на завалинке в Прочноокопской, осень 1840 года, и мне было не по себе от этого. Не страшно - мне вообще редко бывало страшно в обычном смысле. Просто не по себе. Как после контузии, когда голова работает, а тело чужое.

Только сейчас наоборот.

Тело моё. Голова тоже моя. А вот всё вокруг - чужое.

Пока.

Из сеней вышла Аксинья с миской. Поставила рядом - каша, хлеб, кусок сала. Ничего не сказала. Постояла секунду и ушла обратно.

Я посмотрел на еду.

Потом - на Кубань.

Потом достал из памяти всё, что знал про Кавказскую войну, про Прочноокопскую, про правый фланг, про Засса, про пластунов, про то как это всё закончится в 1864- м. Двадцать четыре года. Шамиль возьмут в плен в 1859- м. Черкесское сопротивление сломят к 1864- му. Я знал финал, знал ключевые точки, знал имена.

Это было моим единственным преимуществом.

Всё остальное надо было нарабатывать заново. Язык - уже есть, спасибо телу. Конь, пашка, кремнёвое ружьё - разберусь. Уставы, чины, кто кому кланяется и почему - выучу. Горы - увижу сам.

Я взял хлеб. Откусил.

Хлеб был тяжёлый, ржаной, с кислинкой - такой не продают в краснодарских магазинах. Хороший хлеб.

- Зубов! - позвала мать из- за двери. - Снаряжение смотрел?

- Смотрел, - ответил я.

- Ружьё смазал?

- Смазал.

Я не смазывал. Но разберусь.

Серый во дворе фыркнул ещё раз - презрительно, на этот раз явно в мой адрес. Я оглянулся на него. Он смотрел на меня маленькими умными глазами и жевал что- то.

- Привыкай, - сказал я ему вполголоса.

Он отвернулся.

Счёт пока был явно не в мою пользу.

Сборы заняли полдня.

Мать командовала ими как опытный старшина перед выходом - методично, без суеты, без лишних слов. В суму шло: смена белья, две рубахи - нижняя, вышитая Аксиньей по вороту красными нитками, и верхняя, рабочая. Войлочная подстилка, она же постель в походе. Котелок. Огниво и трут. Кусок сала в тряпице, хлеб на три дня, пара луковиц. Моток верёвки. Игла с нитками - мать сунула молча, не глядя на Аксинью, как будто это само собой разумелось.

Аксинья укладывала рубахи. Матрёна стояла рядом и смотрела как она укладывает.

- Не так, - сказала мать.

Аксинья переложил.

- Вот так правильно, - сказала мать. Ушла за котелком.

Я наблюдал всё это через открытую дверь, стоя во дворе с кремнёвым ружьём в руках - чистил замок, изучал устройство. Ружьё было длинное, тяжёлое, с азиатским прикладом - казённая вещь, не своя. Кремнёвый замок я видел раньше только в музеях. Здесь - живой, рабочий, требующий обслуживания.

Рядом стоял подсох - короткое копьё с сучковатым древком. Я уже разобрался зачем: при стрельбе - воткнуть в землю, ствол на сучок. Самодельные сошки.

Кинжал - дедов, настоящий, хороший - висел на поясе. Это была единственная вещь в моём снаряжении, которая вызывала уважение без оговорок.

Армейская сабля в кожаных ножнах - штамповка, ничего особенного - висела рядом. Баланс так себе. Привыкну.

- Федька, - сказала мать от двери. - Иди есть.

Я пошёл.

За столом сидели все трое: мать во главе, Архип у окна, Аксинья у печи - ближе всего к выходу, дальше всего от центра. Я сел напротив деда.

Ели молча. Так едят перед дорогой - серьёзно, не торопясь. Щи были наваристые. Хлеб тот же, тяжёлый. Я ел и думал, что последний раз ел вот так - молча, за общим столом, перед чем-то важным - было перед первым выходом, в девяносто девятом, в Дагестане. Тогда тоже никто особенно не разговаривал.

- Слушай старших, - сказала мать наконец. - Не лезь вперёд без надобности.

- Хорошо.

- В карты не играй. Пьяным на посту не стой.

- Я знаю.

Мать посмотрела на меня. Что-то в моём голосе её остановило.

- Знаешь, - повторила она. - Ладно.

Архип жевал молча и в разговор не вступал. Аксинья подлила мне щей - я поймал её взгляд на секунду и сразу отвёл. Смотрел в стол. Там было безопаснее.

После обеда мать ушла в огород. Архип вышел на завалинку. Мы с Аксиньей остались в избе вдвоём на три минуты - пока я застёгивал суму.

Она стояла у стола и не уходила.

Я возился с ремнём сумы и старательно думал о кремнёвом замке, о подсохе, о дороге на Прочный Окоп. Я думал о Кубанской кордонной линии, о Зассе, о том сколько часов пешим ходом от станицы до крепости. Я думал обо всём кроме того, что она стояла в трёх шагах от меня и ждала.

- Федь, - сказала она.

- М?

- Ты другой стал, - сказала она.

Я остановился.

- С какой поры? - спросил я осторожно.

- Сегодня утром, - сказала она. - Проснулся другой.

Я помолчал. Застегнул ремень.

- Это служба таким делает, - сказал я. - Заранее.

Она не ответила. Когда я поднял голову - она смотрела на меня внимательно, без тревоги, без упрёка. Просто смотрела. Как смотрят на человека, которого хорошо знают и вдруг замечают в нём что-то новое - и пока не решили как к этому относиться.

Умная девочка, подумал я. Зря не спрашивает - не потому, что не заметила, а потому что решила подождать.

- Возвращайся, - сказала она наконец.

- Вернусь.

Она кивнула. Взяла полотенце с лавки и ушла на двор.

Я стоял посередине избы с сумой в руке и смотрел на зеркало в углу. Рушник всё ещё висел на нём - она повесила сама, я не просил.

Когда-нибудь сниму. Не сейчас.

Выехали в полдень.

Нас было трое: я, двое станичников - Гришка Беленко и ещё один, Сидор, который сразу начал рассказывать что-то про соседскую корову и не останавливался. Гришка ехал молча и изредка кивал. Я ехал молча и думал.

Серый шёл ровно - это меня удивило. На завалинке он косил злым глазом и норовил прикусить мне руку при каждом удобном случае. В пути успокоился. Может, тоже ехал первый раз - и решил пока не выпендриваться.

Дорога шла вдоль Кубани - пыльная, колейная, разбитая колёсами. Осень стояла сухая и тёплая, трава по краям пожелтела, но не высохла. Небо было высокое, чистое. Степь пахла так, как степь пахнет только здесь - полынью, землёй, чем-то ещё неуловимым.

Я слушал, как Сидор рассказывает про корову, и думал: вот оно. Началось.

Двадцать четыре года. Война, которую я знал по книгам и картам - теперь стала той дорогой под копытами Серого. Засс, которого я знал как исторического персонажа - теперь был живым человеком в крепости, куда я ехал. Горцы, которые в книгах были «противником» - теперь были где-то в тех лесах, за рекой, и совсем не читали те же книги.

Это была настоящая война. Не позиционная. Лес, следы, засады, рейды.

Серый подо мной фыркнул - на этот раз, кажется, одобрительно.

Я поправил ружьё за спиной и поехал дальше.

Глава 2

Глава 2

За первый час Сидор успел рассказать про корову, про мельника, про жену мельника, про соседа жены мельника и про какой-то спор о меже, который тянулся уже третий год и, судя по интонации, должен был тянуться ещё столько же. Гришка Беленко ехал рядом и изредка кивал - с тем выражением человека, который давно перестал слушать и просто обозначает присутствие.

Я ехал позади них и думал.

Не о корове и не о меже. О том, что впереди - три дня дороги, потом Прочный Окоп, потом сборный пункт, потом люди, которых я не знаю, и служба, которую я знаю только по книгам. Книги - это одно. Живые люди в реальном времени - другое. Разница примерно как между картой местности и самой местностью.

Дорога шла вдоль Кубани - пыльная, разбитая, с глубокими колеями от телег. По левую руку река блестела сквозь камыши, по правую тянулась степь - жёлтая уже, осенняя, с редкими купами деревьев у горизонта. Небо было высокое и чистое, без единого облака. Солнце ещё грело, но без летней злости - мягко, по-осеннему.

Серый шёл ровно.

Это продолжало меня удивлять. Во дворе он был склочный, норовистый, с явными претензиями к мирозданию. В пути - деловой и спокойный. Как будто работа отдельно, характер отдельно. Я его понимал.

- Зубов, - сказал вдруг Гришка, не оборачиваясь.

- М.

- Ты в каком батальоне?

- Кубанском линейном.

- А, - сказал Гришка. - Мы тоже. Сидор - тоже.

- Значит, вместе едем.

- Значит, вместе, - согласился Гришка.

Это исчерпало его интерес к разговору. Он замолчал. Сидор немедленно заполнил образовавшуюся тишину продолжением истории про мельника - оказывается, у мельника был ещё и брат, и брат тоже имел отношение к спору о меже.

Я слушал и думал о том, что язык 1840-х у меня работает нормально - говорю правильно, понимаю всё. Но есть нюансы. Некоторые обороты у Сидора я ловил с секундной задержкой. Некоторые слова память тела давала быстрее, чем голова успевала их осмыслить. Это надо было отслеживать - пока не станет автоматическим.

Ещё - темп речи. Здесь говорили медленнее, чем я привык. С паузами. Без торопливости, которая в моём времени стала нормой. Я уже дважды начинал фразу быстрее, чем следовало, и оба раза притормаживал в середине.

Мелочи. Но мелочи, на которых прокальваются.

К вечеру первого дня добрались до небольшой станицы - Гришка назвал её Темижбекской, я запомнил. Переночевали у какого-то дальнего родственника Сидора - тот принял без лишних слов, накормил, выделил место в сарае рядом с лошадьми.

Сарай был тёплый, пах сеном и навозом. Серый устроился у своей привязи с видом существа, которое наконец попало в нормальные условия. Я лёг на сено и уставился в темноту.

Гришка засыпал быстро - три минуты, и уже ровно дышал. Сидор ещё немного поговорил сам с собой про мельника, потом тоже затих.

Я не спал.

Лежал и думал о том, что за сегодняшний день ничего особенного не произошло. Дорога, разговор ни о чём, ночлег. Жизнь девятнадцатилетнего казака, уходящего на службу. Обычная, негероическая, без засад и рейдов - просто пыль под копытами и история про мельника.

Но мне было хорошо.

Не радостно - просто хорошо. Как бывает, когда делаешь то, что надо делать, и знаешь куда идёшь, и незачем объяснять себе зачем. Это чувство я не испытывал с тех пор, как меня отправили домой с протезом вместо ноги.

Оказывается, я по нему скучал.

Серый вздохнул у привязи. Сочувственно, что ли.

- Привыкай, - сказал я ему в темноту.

Он не ответил. Уснул, наверное. Умный конь.

Второй день был длиннее первого.

Дорога отошла от Кубани, пошла через степь - открытую, без деревьев, с далёким горизонтом. Ветер тут был другой: прямой, без помех, с запахом горькой травы и чего-то незнакомого - не степного, другого. Я не сразу понял что. Потом понял: горы. Горы были ещё далеко, за горизонтом, но запах их уже шёл впереди.

Я поднял голову и посмотрел на юг.

Ничего не увидел - степь и небо, больше ничего. Но знал, что они там. Знал по карте, по книгам, по тому как менялся воздух. Кавказ. Главный хребет. За хребтом - Грузия и Персия, но это уже другая история.

Моя история - предгорья. Леса. Ущелья. Тропы, по которым ходят люди, знающие их наизусть и не оставляющие следов, которые умеет читать каждый.

Я умею читать другие. Посмотрим что у них.

- Зубов, - сказал Гришка.

- М.

- Ты раньше на линии бывал?

- Нет, - сказал я честно. - Первый раз.

- И я первый, - сказал он. Помолчал. - Говорят, там черкесы каждую ночь лезут.

- Говорят.

- Ты не боишься?

Я подумал.

- Нет, - сказал я.

Гришка посмотрел на меня - оценивающе, с той смесью уважения и недоверия, с которой смотрят на человека, сказавшего что-то неожиданно твёрдое.

- Я тоже не особо, - сказал он наконец. С некоторым усилием.

- Хорошо, - сказал я.

Сидор, до этого молчавший целых пятнадцать минут - рекорд за два дня - немедленно встрял с рассказом про соседа, который ходил на линию три года назад и вернулся. Сосед, по словам Сидора, говорил что там страшно, но терпимо, и кормят нормально, и черкесы хотя и лезут, но не каждую ночь, а через ночь, и то не всегда.

- Успокоил, - сказал Гришка.

Сидор не уловил иронии и продолжил.

На второй ночёвке остановились в открытом поле - станиц поблизости не было, до следующей не дотянули засветло. Развели небольшой огонь, сварили кашу из того что было. Серый пасся на длинном поводке, изредка посматривал на меня с видом лошади, которая в целом довольна жизнью, но оставляет за собой право передумать.

За огнём было хорошо - тихо, темно вокруг, звёзды как вчера. Сидор рассказывал. Гришка слушал. Я смотрел на огонь и думал.

Думал о том, что в Прочном Окопе меня ждут незнакомые люди, и среди них нужно будет встать правильно - не слишком заметно и не слишком незаметно. Новобранец, который ведёт себя как опытный, вызывает подозрения. Опытный, который прячется под новобранца, теряет время. Баланс - вот что нужно.

Думал о том, что знаю финал этой войны, но не знаю деталей. Карты я изучил, хронологию помнил - но горы не читаются по картам. Языки не учатся по книгам. Люди не складываются из биографий.

Думал о Зассе.

Генерал Засс, Григорий Христофорович - реальный человек, жёсткий и умный, немец на русской службе. Штаб- квартира в Прочном Окопе. Головы черкесов на частоколе - его метод, его подпись. Я читал про это и думал: психологическая война, эффективно, жестоко. Здесь буду смотреть на это живое - и придётся иметь своё мнение.

Думал о пластунах.

Пластуны - это то, что мне нужно. Разведка, засады, работа малыми группами в лесу. Моё. Вопрос - как попасть туда из линейного батальона. Показать что умеешь. Не сразу, не в первый день - но скоро.

- Зубов, - сказал Гришка. - Спи. Завтра рано.

- Сплю, - сказал я.

Он не поверил - по голосу слышно. Но не стал уточнять. Умный парень, этот Гришка. Мало говорит, много замечает. Такие в сотне ценятся.

Я лёг на спину, смотрел в звёзды и думал ещё немного. Потом перестал думать. Потом уснул.

Третий день принёс горы.

Они появились утром, на рассвете - я встал раньше других, вышел из- под попоны, оглянулся на юг. И увидел.

Далёкие, синие в рассветном свете, со снегом на вершинах, которые ловили первое солнце раньше, чем оно дошло до степи. Главный Кавказский хребет. Я смотрел на него и не двигался, наверное, минуту.

По книгам я знал что он большой. По картам понимал масштаб. Вживую - это было другое. Не потому что красиво, хотя красиво. Потому что реально. Потому что там, за этими снежными вершинами и лесистыми предгорьями, начиналась война - настоящая, долгая, не позиционная.

Двадцать четыре года.

- Красиво, - сказал сзади Гришка.

Я не ответил. Слово было правильное, но недостаточное.

- Там черкесы, - добавил Гришка.

- Там, - согласился я.

Мы постояли ещё немного. Потом Сидор проснулся и начал рассказывать про завтрак, и момент закончился.

Прочный Окоп показался после полудня.

Я увидел его издали - высокий правый берег Кубани, вал, частокол по гребню. Флаг над главными воротами. Несколько строений за укреплением - казармы, склады, конюшни, штабное здание. Ничего лишнего. Военная крепость, без украшений.

Потом увидел частокол поближе.

Головы были насажены на колья - несколько штук, в разных местах по гребню. Черкесские, судя по всему - бороды, другие черты. Засохшие, потемневшие. Давние, не вчерашние.

Сидор за моей спиной охнул и замолчал. Впервые за три дня.

Гришка ехал молча, смотрел прямо перед собой.

Я смотрел на частокол и думал: Засс. Это его метод. Психологическое давление - показать горцам, что за Кубанью их не боятся, что смерть их не уважают, что противник хладнокровен и последователен. Работает или нет - другой вопрос. Здесь это норма.

Я живу теперь в этой норме.

У ворот нас остановил часовой - молодой казак, лет двадцати, с ружьём на плече. Потребовал назваться. Мы назвались. Он сверился с какой-то бумагой, кивнул, пропустил.

Мы въехали в крепость.

Внутри было людно.

Осень - время, когда экспедиционные отряды возвращались с летних кампаний на зимние квартиры. Прочный Окоп был одним из главных сборных пунктов правого фланга. Во дворе стояли кони, лежали тюки, горели несколько костров. Казаки - разные, из разных мест, с разными лицами. Речь смешанная: малорусский, русский, что-то ещё - я не сразу разобрал.

Нас направили к сотенному писарю - записаться, получить назначение.

Писарь сидел в небольшой каморке при штабном здании. Лысый, с чернильными пятнами на пальцах, с видом человека, которого утомили все на свете ещё лет десять назад. Записал нас быстро, выдал бумаги, сказал где разместиться и когда явиться на смотр.

- Зубов, - сказал он, не поднимая глаз. - Кубанский линейный, первая сотня.

- Да.

- Урядник Демьяненко. Найдёшь у третьей казармы.

- Понял.

- Свободен.

Я вышел.

Третья казарма стояла в дальнем углу крепости - длинная, низкая, с маленькими окнами. У входа сидело несколько человек, курили. Я подошёл.

- Демьяненко здесь?

Один из сидящих поднял голову. Лет тридцати пяти - сорока, с широким лицом, тёмными усами и глазами, в которых читалось всё сразу: кто ты такой, зачем пришёл, что умеешь, и почему я должен об этом заботиться.

- Я Демьяненко, - сказал он. - Ты Зубов?

- Зубов.

- Новобранец?

- Первый год.

Он посмотрел на меня - долго, методично, сверху вниз и снизу вверх. Я стоял спокойно. Не тянулся, не сутулился. Смотрел ему в лицо - не вызывающе, просто ровно.

- Откуда? - спросил он наконец.

- Прочноокопская.

- Отец служил?

- Урядник. Погиб в тридцать седьмом.

Демьяненко кивнул. Что-то в этом кивке изменилось - не потеплело, но сдвинулось. На полтона.

- Коня поставь к коновязи за казармой, - сказал он. - Место возьми внутри, где свободно. Смотр завтра утром.

- Понял.

Я взял Серого под уздцы и пошёл за казарму.

- Зубов, - сказал Демьяненко в спину.

Я обернулся.

- Шашка чья? - кивнул на мой пояс.

- Сабля казённая, - сказал я. - Шашки пока нет.

Он посмотрел на саблю. Что-то отметил про себя. Ничего не сказал.

Я пошёл дальше.

У коновязи уже стояло несколько лошадей. Рядом, привязывая своего гнедого, возился казак - молодой, моложе меня на вид, круглолицый, с выражением человека, которому хорошо везде и всегда.

- О, сосед! - сказал он, увидев меня. - Охримченко Микола. Откуда?

- Зубов. Прочноокопская.

- А я темижбекский. Ты сегодня приехал?

- Час назад.

- И я час назад. - Он привязал коня, выпрямился, протянул руку. - Демьяненко уже видел?

- Видел.

- Ну и как он тебе?

- Нормально.

Охримченко засмеялся - открыто, без причины, просто так.

- Нормально, - повторил он. - Ты первый, кто так говорит. Все остальные говорят «строгий» или молчат.

- Строгий тоже, - сказал я.

- Ага, - согласился Охримченко. - Но нормально. Ты правильно сказал.

Серый у коновязи покосился на гнедого Охримченко. Гнедой покосился в ответ. Они явно нашли общий язык - или решили пока не выяснять отношения.

- Пойдём внутрь, - сказал Охримченко. - Там ещё двое наших - татарин один и степной, я не разобрал кто. Места есть.

Я привязал Серого и пошёл следом.

Татарин и степняк. Интересно.

В казарме пахло деревом, дымом и людьми - запах любого военного жилья в любое время, видимо. Нары в два яруса, несколько лавок, печь в углу. Народу немного - большинство ещё во дворе. В дальнем углу сидели двое.

Первый - жилистый, смуглый, с чёрными прямыми волосами и спокойными тёмными глазами. Сидел прямо, не облокачиваясь. Смотрел на нас - без настороженности, без приветливости. Просто смотрел.

Второй - чуть старше, с широкими скулами и узкими глазами, в которых читалась та же спокойная оценка. Что-то перебирал в небольшом мешке, не поднимая головы.

- Охримченко, - сказал Охримченко, показывая на себя. - Микола. Темижбекская.

- Зубов, - сказал я. - Прочноокопская.

Жилистый посмотрел на меня.

- Ибрагимов, - сказал он. - Иосиф. - Пауза. - Юсуп.

Второй поднял наконец голову от мешка.

- Касымов, - сказал он. - Николай. - Ещё пауза. - Нурлан.

- Зубов, - повторил я. - Сергей. - И поймал себя. - Фёдор.

Никто не заметил. Охримченко уже искал место на нарах и что-то рассказывал про дорогу. Ибрагимов - Юсуп - смотрел на меня с лёгким интересом. Нурлан снова опустил глаза к своему мешку.

Я выбрал место у стены, положил суму, сел.

Мы были в одной казарме. Завтра утром - смотр. Послезавтра - служба.

Началось.

Вечером я вышел во двор.

Прочный Окоп на закате выглядел иначе, чем днём. Тише. Костры горели ровно, без суеты. Кубань внизу блестела последним светом. Горы на юге потемнели, слились с небом - только снег на вершинах ещё светился, розовый, нереальный.

Я стоял у частокола и смотрел на горы.

Где- то там - Шамиль. Пока ещё не тот Шамиль из учебников, не имам с портрета. Пока ещё просто умный и жёсткий противник, набирающий силу. 1840 год - он только начинает. У него впереди пик могущества, потом постепенное сжатие, потом Гуниб в 1859- м.

Я знал это всё. Знал как закончится.

Но знание финала не даёт знания дороги. Дорога - это завтрашний смотр, и Демьяненко с его тяжёлым взглядом, и Нурлан с его молчанием, и Юсуп с его внимательными глазами. Дорога - это горы, в которые я ещё не входил. Это лес, где следы читаются не так, как в степи. Это ружьё, которое даёт осечку в сырость. Это шашка, которую я ещё не заслужил.

Рядом со мной остановился кто- то - я почувствовал прежде чем услышал. Шаги лёгкие, без лишнего звука.

Нурлан.

Встал у частокола в двух шагах. Смотрел на горы.

Мы постояли молча минуты три.

- Ты раньше видел? - спросил он наконец.

- Нет, - сказал я. - Первый раз.

Он кивнул. Помолчал.

- Красиво, - сказал он.

- Да, - согласился я.

- И опасно.

- Это обычно вместе.

Нурлан посмотрел на меня - коротко, боковым взглядом. Что- то в этом взгляде было - не оценка, другое. Как будто слова ему понравились, но он не привык это показывать.

Он ушёл так же тихо, как пришёл.

Я постоял ещё немного. Потом тоже пошёл в казарму.

Завтра - смотр. Демьяненко будет смотреть. Все будут смотреть.

Ничего. Пусть смотрят.

Глава 3

Глава 3

Демьяненко поднял нас до рассвета.

Не стучал, не кричал - просто вошёл в казарму, и этого хватило. Что-то в его шагах было такое, что все проснулись сами, без команды. Я открыл глаза и увидел его силуэт в дверном проёме - тёмный, прямой, на фоне чуть посветлевшего неба.

- Встать, - негромко сказал он.

Встали.

Охримченко встал с видом человека, которого разбудили в самый неподходящий момент, но который понимает что возражать бессмысленно. Юсуп поднялся бесшумно и сразу - как будто и не спал. Нурлан тоже: я почти не уловил момента, когда он лежал и когда уже стоял. Я встал третьим или четвёртым - тело молодое, отзывалось быстро, без обычного утреннего сопротивления.

Это я ещё не привык. Каждое утро удивлялся заново.

- Во двор, - сказал Демьяненко. - Снаряжение с собой.

Вышли.

Двор Прочного Окопа на рассвете выглядел иначе чем вечером. Тише. Холоднее. Туман лежал низко, у самой земли - белый, плотный, по щиколотку. Из тумана торчали копыта лошадей у коновязи, нижние брёвна казарм, чьи-то сапоги.

Нас было семеро - я, Охримченко, Юсуп, Нурлан и ещё трое, которых я видел мельком вчера. Демьяненко стоял перед нами и смотрел. Просто стоял и смотрел - методично, слева направо, потом обратно. Никто не шевелился.

Я стоял и думал о том, что видел похожие смотры. Другая армия, другое снаряжение, другой век - но взгляд командира одинаковый во всех временах. Он смотрит не на форму и не на оружие. Он смотрит на человека.

Демьяненко дошёл до меня. Остановился.

Посмотрел на саблю. На кинжал. На ружьё за спиной. На подсох.

- Замок чистил? - спросил он.

- Вчера вечером.

- Покажи полку.

Я снял ружьё, открыл полку - чистая, масло свежее. Демьяненко посмотрел. Кивнул.

- Конь?

- У коновязи. Серый.

- Знаю какой. Подруга?

- Перетянута с вечера. Проверю перед выходом.

Он помолчал секунду.

- Отец учил?

- Отец погиб когда мне было шестнадцать, - сказал я. - Дед учил.

Это было то что я знал из памяти тела - Фёдору было шестнадцать в тридцать седьмом, когда погиб Пантелей. Близко к правде, хотя и не вся правда.

Демьяненко кивнул. Пошёл дальше.

Дошёл до конца шеренги, повернулся.

- Снаряжение у всех - терпимо, - сказал он. - Это не похвала. Терпимо - это значит не опозоримся перед строем. Хорошо будет потом, когда заработаете.

Охримченко слева от меня чуть шевельнулся - хотел что-то сказать, передумал. Мудро.

- Смотри при генерале - в полдень, - продолжал Демьяненко. - До смотра - чистить, про-
верять, не болтаться. После смотра - я скажу. - Пауза. - Вопросы?

Вопросов не было.

- Разойтись.

Охримченко догнал меня у казармы.

- Зубов, - сказал он вполголоса, хотя Демьяненко был уже далеко. - Ты как с ним разго-
вариваешь?

- Нормально.

- Вот и я говорю - нормально. - Он помолчал. - Он меня спросил про замок, я сказал
«чищу регулярно». Он посмотрел так, будто я соврал.

- Ты соврал?

Охримченко помолчал чуть дольше.

- Не то чтобы совсем соврал, - сказал он. - Просто «регулярно» это понятие растяжимое.

- Почисти сейчас.

- Уже иду, - сказал он с достоинством человека, который сам до этого додумался.

Я зашёл в казарму, сел на нары, достал из мешка тряпицу и масло. Снял ружьё ещё раз
- проверить кремень при дневном свете. Кремень был хороший, без трещин. Но я проверил
всё равно.

Привычка. Перед серьёзным делом - проверяй то, что уже проверил. Потому что потом
времени не будет.

Юсуп сидел напротив и тоже что-то чистил - кинжал, медленно и методично. Не смотрел
на меня. Но я чувствовал что он смотрит - боковым зрением, не в упор.

- Юсуп, - сказал я.

Он поднял голову.

- Ты вчера что-то записывал.

Лёгкая пауза.

- Записывал, - сказал он ровно.

- Что?

Он поставил кинжал в ножны. Посмотрел на меня - прямо, без уклонения.

- Слова, - сказал он. - Которых я не знаю.

- Чьи слова?

- Твои.

Я собирал ружьё и думал. Быстро, не показывая что думаю.

- Какие слова?

Юсуп достал из-за пазухи сложенный лист - небольшой, плотный, из хорошей бумаги.
Развернул. Показал.

Три слова, написанных аккуратным мелким почерком. «Периметр». «Рефлекс». «Диа-
гноз».

Я посмотрел. Поднял глаза на него.

- И?

- И ничего, - сказал Юсуп. - Пока три. Я думаю, будет больше.

В этом «я думаю, будет больше» было что-то такое - спокойное, уверенное, без угрозы
и без вопроса. Констатация. Как у Демьяненко с «терпимо». Просто называет что видит.

Умный, подумал я. Неприятно умный.

- «Периметр» - это граница, - сказал я. - Мы так говорили дома. По-нашему.

- По-вашему, - повторил Юсуп. - Прочноокопская?

- Прочноокопская.

Он кивнул. Сложил лист, убрал за пазуху.

- «Рефлекс»? - спросил он.

- Привычка тела, - сказал я. - Когда делаешь что- то без головы. Само.

- Мышечная память, - сказал Юсуп.

- Да. Именно.

- Это я знаю, - сказал он. - Но ты сказал по- другому. - Пауза. - «Диагноз»?

- Это... - я подумал секунду. - Когда лекарь говорит что у тебя за хворь.

- Это по- гречески, - сказал Юсуп. - Диагнозис. Распознавание.

Я посмотрел на него.

- Ты знаешь греческий?

- Немного, - сказал он без хвастовства. - Отец учил. Он думал, что из меня выйдет толмач.

- Пауза. - Не вышло.

- Почему?

- Потому что я казак, - сказал Юсуп. Просто, без иронии.

Мы помолчали. За окном казармы кто- то чистил коня и что- то напевал - негромко, не в лад.

- Юсуп, - сказал я.

- М.

- Ты будешь записывать дальше?

- Да, - сказал он.

- Ладно, - сказал я.

Он снова взял кинжал и продолжил чистить. Разговор был закончен - с его стороны полностью, с моей - нет. Я ещё некоторое время думал о том, что это неудобно. Юсуп с его списком - это постоянный аудит, который я не заказывал и от которого не откажешься.

Придётся следить за собой.

Или не следить, и посмотреть что будет.

Второй вариант был честнее.

К полудню крепость подтянулась.

Казачьи, которые с утра бродили по двору в разном состоянии готовности, к смотру вдруг оказались все при форме и снаряжении - черкески застёгнуты, папахи надеты правильно, сабли на месте. Умение приводить себя в порядок к нужному часу - это отдельный военный навык, и здесь он работал безотказно.

Мы выстроились во дворе - не парадно, без равнения, просто две неровные шеренги. Демьяненко прошёлся вдоль, поправил что- то у одного, сделал замечание другому. До меня дошёл - посмотрел, ничего не сказал. Это я расценил как хорошо.

Засс появился из штабного здания.

Я его видел вчера мельком - издалека, спиной. Сейчас - лицом.

Лет сорок семь - сорок восемь. Невысокий, сухой, быстрый в движениях. Лицо жёсткое, с глубокими складками у рта - лицо человека, который много времени провёл на ветру и под солнцем. Глаза светлые, серые. Немец - это было видно, хотя я не мог объяснить почему именно. Что- то в посадке головы, в том как держит руки.

Шёл вдоль шеренги не торопясь, останавливался у некоторых, задавал вопросы - коротко, по- русски, с лёгким акцентом. Ответы выслушивал не перебивая.

Дошёл до меня.

Остановился.

Посмотрел - так же как Демьяненко, но по- другому. Демьяненко смотрел на снаряжение и на человека за снаряжением. Засс смотрел сразу на человека - снаряжение как будто не замечал.

- Зубов? - спросил он.

- Так точно, ваше превосходительство.

- Прочноокопский?

- Так точно.

- Первый год?

- Первый год.

Пауза. Он смотрел. Я стоял.

- Отец кто был?

- Урядник Пантелей Зубов. Погиб в тридцать седьмом на рейде за Кубань.

Что- то изменилось в его лице - не потеплело, просто отметил.

- Знаю такой рейд, - сказал он. - Тяжёлый был рейд.

- Знаю, - сказал я.

Засс посмотрел на меня чуть дольше. Потом кивнул и пошёл дальше.

Охримченко стоял через двух человек от меня. Когда Засс до него дошёл и задал первый вопрос, Охримченко начал отвечать - и в этот момент у него из- за пазухи выскользнул какой- то предмет и упал на землю с отчётливым звуком. Засс остановился. Посмотрел на предмет. Посмотрел на Охримченко.

Предмет был луковица.

- Зачем? - спросил Засс.

- От цинги, ваше превосходительство, - сказал Охримченко с таким достоинством, как будто это было само собой разумеющимся.

Засс смотрел на него три секунды. Потом пошёл дальше, ничего не сказав.

Юсуп рядом со мной не шевелился и смотрел прямо перед собой. Но я видел как у него дёрнулся уголок рта.

Я тоже смотрел прямо перед собой.

После смотра Демьяненко собрал нас у казармы.

- Завтра - дозор, - сказал он. - Ночной. Вдоль Кубани, до второго поста и обратно. Идут Зубов, Касымов, Охримченко. Я веду. - Пауза. - Ибрагимов остаётся на посту - нужен грамотный.

Юсуп кивнул без обиды. Это была не наказание, а назначение по способностям - что- то надо было записать или прочитать, и тут он незаменим.

- Вопросы?

- Есть, - сказал Охримченко.

Демьяненко посмотрел на него.

- Луковица считается снаряжением?

Демьяненко смотрел на него четыре секунды. Потом повернулся и пошёл в сторону конюшни.

- Нет, - сказал он, не оборачиваясь.

Охримченко кивнул с видом человека, получившего исчерпывающий ответ.

После обеда - перловая каша с салом, хлеб, кислый квас - казаки сидели у казармы в той особой расслабленности, которая бывает между делом и делом. Трубки, разговоры, кто- то штопал. Солнце вышло и грело - не жарко, по- осеннему, приятно.

Разговор зашёл про страхи. Не про трусость - это другое - а именно про страхи, про то что бывает ночью в дозоре и чего боишься больше - горца или темноты.

- Я темноты не боюсь, - сказал один казак, рябой, с весёлыми глазами - Тимоха его звали.

- Я в темноте хорошо вижу. Меня бабка говорила - кошачий глаз.

- У кошки жёлтый глаз, - сказал кто- то. - У тебя карий.

- Это неважно, - сказал Тимоха. - Суть та же.

- Я горцев не боюсь, - сказал другой, постарше, с рыжей бородой. - Я своего урядника боюсь. Горец придёт - может уйдёт. Урядник придёт - точно не уйдёт.

Это вызвало смех - понимающий, тихий.

Охримченко смотрел на меня.

- Зубов, - сказал он. - Ты чего молчишь?
- Думаю.
- О чём?
- О страхах.
- И?

Я помолчал ещё секунду.

- Слышали про казака, который три дня в горах один просидел? - спросил я.

Все посмотрели на меня.

- Нет, - сказал Тимоха.

- Ушёл в разведку, отстал от своих, - сказал я. - Три дня один в лесу. Горцы везде, пройти нельзя. Он сидит под корягой, не дышит. День сидит. Два. На третий - слышит: кто- то идёт. Остановился рядом. Стоит, не уходит. Казак думает - всё, конец. Помолился, зажмурился. Открывает глаза - а это медведь. Стоит и смотрит на него.

Пауза.

- И? - сказал Охримченко.

- Казак говорит медведю: слава богу, свой.

Секунда тишины. Потом Тимоха захохотал первым - громко, откинувшись назад. За ним рыжий, потом ещё кто- то, потом Охримченко - тот смеялся с чувством, как смеются над шуткой, которую сразу понял и которая понравилась.

Юсуп не смеялся. Смотрел на меня с тем же лёгким интересом что и утром. Достал из-за пазухи бумажку, добавил что- то маленькое.

Я сделал вид, что не видел.

- Хорошо, - сказал рыжий, отдышавшись. - Это откуда?

- Дед рассказывал, - сказал я.

Неправда – на самом деле замкомвзвода Трошин, в девяносто девятом.

- Хороший у тебя дед, - сказал Тимоха.

- Хороший, - согласился я.

Вечером, когда стемнело и казарма затихла, ко мне подошёл Нурлан.

Сел рядом на нары - бесшумно, как всегда. Молчал.

Я тоже молчал. Мы уже умели так - сидеть рядом без слов и не чувствовать что нужно заполнить тишину.

- Демьяненко смотрел на тебя после смотра, - сказал Нурлан наконец.

- Я знаю.

- Долго смотрел.

- Знаю.

- Это хорошо, - сказал Нурлан.

Я повернулся к нему.

- Когда он долго смотрит - это хорошо?

- Когда коротко - значит решил, - сказал Нурлан. - Когда долго - значит ещё думает. Пока думает - есть время показать.

Я подумал об этом.

- Ты давно с ним?

- Второй год.

- И когда он перестал думать - о тебе?

Нурлан помолчал.

- Не знаю, - сказал он. - Он не говорит.

- Но ты чувствуешь?

- Чувствую, - сказал Нурлан. - Он перестал смотреть на мои руки перед выходом.

Я понял. Когда командир перестаёт проверять руки бойца перед делом - это значит, что он им доверяет. Не говорит об этом. Просто не проверяет.

- Завтра дозор, - сказал я.

- Знаю.

- Ты не идёшь.

- Знаю, - сказал Нурлан. Без обиды, как у Юсупа. - Я пойду в следующий.

- Откуда знаешь?

- Потому что Демьяненко взял тебя и Охримченко. Охримченко он проверяет. Тебя он проверяет. Меня он уже проверил.

Это было сказано без хвастовства - просто анализ. Нурлан думал как разведчик: смотрел на действия командира и читал их. Мне это было понятно.

- Хорошо, - сказал я.

- Хорошо, - согласился он.

Он ушёл так же бесшумно. Я лёг, закрыл глаза.

Завтра - дозор. Первый настоящий, не учебный. Тёмная Кубань, камыши, переправа. Следы, которые надо читать правильно.

Я умею. Просто надо вспомнить как делать это без фонарика и без рации.

Из другого угла казармы донёсся голос Охримченко - он что-то говорил кому-то шёпотом. Потом тихий смешок. Потом тишина.

Глава 4

Глава 4

Генерал появился неожиданно.

Мы сидели у казармы после обеда - тот же Тимоха, рыжий, которого звали Грицько, Охримченко, я. Солнце вышло ненадолго, пригрело, и никто никуда не торопился. Охримченко рассказывал что-то про соседскую лошадь - не ту что в пути, а другую, домашнюю, с характером. История была длинная.

Потом со стороны штабного здания послышались шаги - быстрые, короткие, без лишнего. Кто-то из казаков поднял голову и сказал одно слово:

- Генерал.

Встали все и сразу. Охримченко замолчал на полуслове.

Засс шёл через двор не к нам - он шёл куда-то по своим делам, срезая путь. За ним следовал адъютант с бумагами, молодой, с выражением человека, которого только что подняли из-за стола. Засс шёл быстро, смотрел прямо - и вдруг остановился.

Посмотрел на нас.

Потом посмотрел на меня.

- Зубов, - сказал он.

- Ваше превосходительство.

- Ко мне.

Адъютант с бумагами замер. Охримченко рядом со мной сделал движение - не назад, а вбок, на полшага, как делают когда хотят дистанцироваться от человека, который только что привлёк к себе нежелательное внимание. Потом передумал и остался.

Я подошёл.

Засс смотрел на меня с той же прямоотой, что на смотре. Ни тяжело, ни легко - просто смотрел, оценивал, собирал информацию. Такой взгляд я видел у хороших командиров. Они не дают взглядом - они читают.

- Ты вчера первый встал, - сказал он.

Не вопрос.

- Так точно.

- Почему?

Я подумал секунду. Можно было сказать - привычка, или - не спалось. Оба ответа были бы правдой. Но он спрашивал не об этом.

- Перед дозором - проверяю снаряжение при свете, - сказал я. - Вечером пропустишь - утром не увидишь.

Засс смотрел.

- Тебя этому учили?

- Дед учил.

- Дед - казак?

- Казак. Ещё суворовского времени помнит.

- Помнит или говорит что помнит?

Я почти улыбнулся.

- И то и другое, ваше превосходительство.

Что-то прошло по его лицу - не улыбка, что-то более сдержанное. Признание, может быть.

- Дозор завтра? - спросил он.

- Так точно. Урядник Демьяненко ведёт.

- Демьяненко хороший урядник, - сказал Засс. - Слушай его.

- Слушаю.

- Слушай больше, - сказал он. - И смотри. Не только на тропу - на всё вокруг. Горец думает боковым зрением. - Пауза. - Ты понимаешь что это значит?

- Понимаю.

Засс посмотрел на меня ещё секунду. Потом кивнул - коротко, сам себе - и пошёл дальше. Адъютант засеменил следом, придерживая бумаги.

Я вернулся к казарме.

Охримченко смотрел на меня с выражением человека, которому только что показали фокус и который не понял как сделано.

- Зубов, - сказал он.

- М.

- Он с тобой разговаривал.

- Я заметил.

- Нет, ты не понял. - Охримченко понизил голос. - Он вообще с казаками не разговаривает. Он с офицерами разговаривает.

- Со мной разговаривал.

- Вот я и говорю.

Тимоха кивнул с видом человека, который подтверждает важное наблюдение.

- Зубов, - сказал он, - ты, наверное, что- то особенное.

- Или он просто случайно остановился, - сказал я.

- Засс случайно ничего не делает, - сказал Тимоха. - Это все знают.

Грицько рыжий молчал и смотрел задумчиво. Охримченко хотел что- то добавить, но я уже уходил.

Юсуп поймал меня у колодца.

Не выскочил - просто оказался рядом, как умеют люди, которые умеют ждать в нужном месте. Я набрал воды, обернулся - он стоял в двух шагах.

- Видел, - сказал он.

- Что именно?

- Как ты с ним говорил, - сказал Юсуп. - Ты не тянулся.

- Я стоял правильно.

- Ты стоял как равный, - сказал Юсуп. - Это не одно и то же.

Я поставил ведро. Посмотрел на него.

- И что?

- Ничего, - сказал Юсуп. - Просто записал.

- Слово?

- Нет, - сказал он. - Это не слово. Это наблюдение.

- У тебя отдельный список для наблюдений?

- Пока нет, - сказал Юсуп. - Но могу завести.

Я взял ведро и пошёл. Он не пошёл следом - остался у колодца. Я спиной чувствовал его взгляд - спокойный, без угрозы, просто внимательный.

Неудобный человек.

Полезный, но неудобный.

Перед ужином Демьяненко собрал нас снова - коротко, без построения, просто у казармы.

- Дозор завтра в полночь, - сказал он. - Зубов, Охримченко, Касымов - я передумал, берёшь тоже. Собраться тихо, без шума. Ружья заряжены, замки проверены. - Посмотрел на Охримченко. - Луковицу не брать.

- Понял, - сказал Охримченко с достоинством.

- Всё, - сказал Демьяненко.

Нурлан стоял рядом и ничего не говорил. Но я видел - маленькое движение, почти незаметное. Кивнул сам себе. Он знал что его возьмут.

Читает людей, подумал я. Хорошо читает.

После ужина у казармы снова собрался народ - вечера здесь были длинные, с темнотой делать было нечего, сидели и разговаривали. Тимоха курил трубку. Грицько чинил подпругу. Охримченко рассказывал - на этот раз не про соседей, а про то как однажды ночью в станице принял куст за горца и поднял тревогу.

- И что? - спросил кто-то.

- Выбежали все, - сказал Охримченко. - С ружьями. Атаман в кальсонах.

- И куст?

- Куст стоял, - сказал Охримченко. - Как стоял.

Смеялись.

Потом разговор переехал на другое - на лошадей, на фураж, на то что в третьей сотне украли седло и никто не нашёл. Я слушал вполуха и думал о завтрашнем дозоре. Прокладывал маршрут в голове - от того что видел днём. Кубань слева, камыши от берега метров двадцать, за камышами - открытый берег, там видно. Второй пост - верста от крепости, может чуть больше. Темно будет - луны сегодня не было, завтра тоже не предвидится.

Хорошо. В темноте удобнее.

- Зубов, - сказал Тимоха. - О чём думаешь?

- О дозоре.

- Ещё не вышел, уже думаешь, - сказал Грицько.

- Это и есть правильно, - сказал я.

- Дед учил? - спросил Тимоха с лёгкой иронией. Не злой - просто иронией.

- Дед учил.

- Хороший у тебя дед.

- Лучший, - сказал я.

Это было правдой - применительно к Архипу. Про другого деда, который пил чай в Краснодаре и смотрел телевизор, я думать не стал.

Охримченко потыкал меня локтем.

- Зубов, расскажи ещё что-нибудь. Как про казака с медведем.

- Это был анекдот, - сказал я.

- Знаю. Ещё давай.

Я подумал. В голове было несколько вариантов - всё оттуда, из другого времени. Надо было выбрать такой, чтобы не требовал объяснений. Без отсылок к тому, чего тут ещё нет.

- Слышали про казака, который пришёл к лекарю? - сказал я.

- Нет, - сказал Тимоха.

- Пришёл к лекарю. Говорит: доктор, у меня что-то с памятью, всё забываю. Лекарь говорит: и давно это у вас? Казак говорит: что давно?

Секунда тишины.

Потом Грицько засмеялся первым - коротко, как будто не ожидал. За ним Тимоха - громко, с удовольствием. Охримченко захохотал и хлопнул себя по колену.

- Хорошо! - сказал он. - Это про кого?

- Ни про кого, - сказал я. - Просто история.

- Это ж про Митяя из нашей станицы, - сказал Грицько, вытирая глаза. - Он всё забывает. Приходит в лавку - забывает зачем пришёл. Приходит домой - забывает обедал или нет. Жена говорит...

Дальше Грицько рассказывал уже про Митяя, история разрасталась и уходила в сторону. Я слушал и думал что это хорошо - когда чужая история прилипает к своей жизни и становится своей. Так работают хорошие истории.

Юсуп сидел чуть в стороне, в тени, и ничего не записывал. Просто слушал.

Я покосился на него.

Он не смотрел на меня. Смотрел на Грицька, который рассказывал про Митяя. Лицо спокойное, внимательное.

Потом он всё-таки достал бумажку. Что-то написал - коротко, одно слово или два. Убрал. Я не спросил.

Ночью я не спал долго.

Лежал и слушал казарму - дыхание, скрипы, мышь под полом. За окном - Кубань, ветер в камышах, где-то далеко птица.

Думал о Зассе.

Живой человек. Не персонаж из учебника - живой, с акцентом и быстрыми шагами, который останавливается посреди двора и разговаривает с новобранцем про боковое зрение горца. Я читал про него - читал что он жёсткий, что его методы спорные, что головы на частокле - это не варварство а расчёт. Что он умный и результативный командир.

Всё это так. Но живой человек сложнее чем описание.

Он сказал: горец думает боковым зрением. Это было точно. Я знал об этом из практики - другой практики, в другое время, но принцип тот же. Противник, живущий в лесу или горах, воспринимает периферию лучше чем прямое поле зрения. Это не мистика - это навык, натренированный охотой и войной. Работать против него надо соответственно.

Засс это знал.

Значит - умный. Значит - полезный.

Значит - надо быть осторожным, чтобы не привлечь слишком много его внимания раньше времени. Слишком заметный новобранец - это неудобно. Им начинают интересоваться, задавать вопросы. А у меня на вопросы были ответы только до определённой глубины.

С другой стороны - он уже остановился. Уже поговорил. Уже запомнил.

Поздно быть незаметным.

Ладно. Буду заметным правильно.

Охримченко во сне что-то сказал - неразборчиво, про какую-то лошадь. Потом затих.

Я закрыл глаза.

Завтра в полночь - дозор. Надо выспаться.

Утром Демьяненко подозвал меня отдельно.

Не при всех - отошёл к коновязи, кивнул следовать. Я пошёл. Мы встали у крайней лошади - пегой кобылы Демьяненко, смирной и скучной с виду.

- Засс с тобой говорил, - сказал Демьяненко. Не вопрос.

- Да.

- Что сказал?

- Слушай урядника и смотри боковым зрением.

Демьяненко посмотрел на кобылу. Потом на меня.

- Про урядника - понял?

- Понял.

- Не просто кивнул - понял?

- Понял, - повторил я. - Вы знаете больше меня. Пока знаете больше - слушаю вас.

Демьяненко молчал секунду.

- Пока, - повторил он.

- Пока.

Это была маленькая честность, которую я себе позволил. Можно было сказать - всегда, или - безусловно. Но «пока» было точнее, и он это почувствовал.

- Хорошо, - сказал Демьяненко. - Значит, понял.

Он пошёл обратно. Я остался у коновязи.

Пегая кобыла посмотрела на меня одним глазом - без интереса, просто посмотрела.

- Не спрашивай, - сказал я ей.

Она не спросила.

До полуночи оставалось ещё много времени. Я пошёл к Серому - просто побывать рядом, без дела. Он стоял у привязи, жевал что-то, смотрел по сторонам с тем выражением глубокой задумчивости, которое у него означало либо скуку, либо план.

Я встал рядом. Он покосился.

- Завтра ночью дозор, - сказал я ему. - Идём без тебя. Пешком.

Он перестал жевать. Посмотрел на меня.

- Не обижайся.

Он фыркнул - коротко, с достоинством. Потом снова начал жевать.

Счёт пока был один-один. Я засчитал себе очко за то, что он не попытался укусить.

В полночь вышли.

Четверо: Демьяненко, я, Охримченко, Нурлан. Без факелов, без лишнего снаряжения - ружья, кинжалы, подсохи. Охримченко хотел взять ещё что-то - Демьяненко посмотрел на него, и Охримченко оставил.

Шли молча.

Демьяненко впереди - шаг тихий, ровный, ставит ногу с носка. Я следом, повторяя его шаг. Нурлан за мной - я почти не слышал его, только иногда лёгкий шорох. Охримченко замыкал - старался идти тихо, получалось терпимо.

Кубань услышал раньше, чем увидел - запах воды, холодный, речной. Потом камыши по сторонам - высокие, прошлогодние, шуршали на ветру. Ветер шёл с реки, в лицо.

Хорошо. Запах от нас - к реке, не от реки к нам.

Демьяненко остановился. Показал рукой - залечь.

Легли. Камыши вокруг, земля холодная, влажная. Я лежал и смотрел и слушал.

Ничего.

Река. Ветер. Птица где-то - не ночная, странно. Потом птица замолчала.

Демьяненко лежал неподвижно. Я тоже. Охримченко рядом - я слышал его дыхание, чуть быстрее чем надо, но тихо. Нурлан - не слышал совсем.

Минута. Две.

Птица замолчала - и это значило что-то. Птицы замолкают когда есть движение. Не ветер - ветер они знают. Движение.

Я медленно повернул голову. Не резко - плавно, как учили.

У берега, метрах в тридцати - тёмное пятно. Потом другое. Потом ещё.

Переправа.

Демьяненко уже смотрел туда. Он тоже увидел. Поднял руку - четыре пальца. Четверо.

Я смотрел. Считал. Четверо - верно. Лёгкие, без тюков. Без лошадей. Разведка или хищнический набег - не перегон скота, не большой отряд.

Демьяненко показал - лежать. Пропустить.

Правильно. Четверо против четверых - шум, выстрелы, потеряем элемент неожиданности. Главное - след взять.

Лежали. Тёмные фигуры прошли в двадцати метрах - я слышал шаги, мокрые, после переправы. Потом тишина. Потом они растворились в камышах на нашей стороне.

Демьяненко поднялся - бесшумно. Мы за ним.

Он пошёл к берегу. Осмотрел место переправы - я смотрел рядом. Следы в прибрежном иле: четыре пары, размер обуви характерный, каблук другой чем казачий сапог. Направление - от берега на север, к станицам.

Плохо.

Демьяненко смотрел на следы. Потом на меня - коротко, вопросительно.

- Четверо, - сказал я тихо. - Налегке. На станицу или на скот. Ушли на север, вон та просека.

Он кивнул.

- Идём обратно, - сказал он. - Быстро.

Шли обратно быстрее. Охримченко не отставал - когда надо, он мог. Нурлан шёл рядом со мной - я не слышал его шагов, просто чувствовал что он здесь.

В крепости подняли дежурного. Демьяненко доложил - коротко, точно. Четверо, пере-
права там- то, след на север, время такое- то. Дежурный записал, послал гонца к дежурному офицеру.

Мы вернулись к казарме.

Демьяненко остановился у двери.

- Зубов, - сказал он.

- М.

- Следы - правильно прочитал.

Это было всё. Он зашёл в казарму.

Охримченко смотрел на меня.

- Это похвала? - спросил он шёпотом.

- Наверное, - сказал я.

- Надо же, - сказал Охримченко задумчиво. - А я думал, он вообще не умеет.

Нурлан стоял рядом и молчал. Но я видел - снова это маленькое движение. Кивнул сам себе.

Я тоже кивнул - себе, не ему.

Началось.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.